

Житие святому преподобному Силуану, Афонскому чудотворцу

Жил на земле человек, муж гигантской силы духа, имя его Силуан. Он долго молился с неудержимым плачем: "Помилуй меня", но не слушал его Бог. Прошло много месяцев такой молитвы, и силы души его истощились; он дошел до отчаяния и воскликнул: "Ты неумолим!" И когда с этими словами в его изнемогшей от отчаяния душе что-то надорвалось, он вдруг на мгновение увидел живого Христа; огонь исполнил сердце его и все тело с такой силой, что, если бы видение продлилось еще мгновение, он умер бы. После он уже никогда не мог забыть невыразимо кроткий, беспредельно любящий, радостный, непостижимого мира исполненный взгляд Христа и последующие долгие годы своей жизни неустанно свидетельствовал, что Бог есть любовь, любовь безмерная, непостижимая.

О нем, этом свидетеле Божественной любви, предстоит нам слово.

Афонский схимонах отец Силуан (мирское имя – Семен Иванович Антонов) родился в 1866 г. в Тамбовской губернии, Лебединского уезда, Шовской волости и села. На Афон приехал в 1892 г., в мантию пострижен в 1896 г.; в схиму – в 1911 г.. Послушание проходил: на мельнице, на Каламарейском метохе (владение монастыря вне Афона), в Старом Нагорном Русике, в Экономии. Скончался 24 сентября 1938 года. Эти немногочисленные факты почерпнуты из формуляра Афонского монастыря.

От "родился" до "скончался" – все бедно, не о чем рассказать; касаться же внутренней жизни человека пред Богом – дело нескромное, дерзновенное. Среди площади мира открывать "глубокое сердце" христианина – почти святотатство; но уверенные в том, что ныне старцу, ушедшему из мира победителем мира, уже ничто не страшно, уже ничто не нарушит его вечного покоя в Боге, позволим себе попытку рассказать о его чрезвычайно богатом, царственно богатом житии, имея в виду тех немногих, которые и сами влекутся к той же божественной жизни.

Многие, соприкасаясь с монахами вообще и со старцем Силуаном в частности, не видят в них ничего особенного и потому остаются неудовлетворенными и даже разочарованными. Происхо-

дит это потому, что подходят они к монаху с неверною меркою, с неправильными требованиями и исканиями.

Монах пребывает в непрестанном подвиге, и нередко чрезвычайно напряженном, но православный монах – не факир. Его совершенно не увлекает достижение посредством специальных упражнений своеобразного развития психических сил, что так импонирует многим невежественным искателям мистической жизни. Монах ведет сильную, крепкую, упорную брань, некоторые из них, как отец Силуан, ведут титаническую борьбу, неведомую миру, за то, чтобы убить в себе гордого зверя, за то, чтобы стать человеком, подлинным человеком, по образу совершенного Человека Христа, т.е. кротким и смиренным.

Странная, непонятная миру христианская жизнь; все в ней парадоксально, все в порядке как бы обратном порядку мира, и нет возможности объяснить ее словом. Единственный путь к уразумению – это творить волю Божию, т.е. блюсти заповеди Христа; путь, указанный Им Самим.

Детство и молодые годы

Из долгой жизни старца хочется привести несколько фактов, являющихся показательными для его внутренней жизни и в то же время его "историей." Первый из них относится к его раннему детству, когда ему было не более 4-х лет. Отец его, подобно многим русским крестьянам, любил оказывать гостеприимство странникам. Однажды в праздничный день с особенным удовольствием он пригласил к себе некоего книгоношу, надеясь от него, как человека "книжного," узнать что-либо новое и интересное, ибо томился он своей "темнотой" и жадно тянулся к знанию и просвещению. В доме гостю были предложены чай и еда. Маленький Семен (мирское имя) с любопытством ребенка смотрел на него и внимательно прислушивался к беседе. Книгоноша доказывал отцу, что Христос не Бог и что вообще Бога нет. Мальчика Семена особенно поразили слова: "Где Он, Бог-то?", и он подумал: "Когда вырасту большой, то по всей земле пойду искать Бога." Когда гость ушел, то Семен сказал отцу: "Ты меня учишь молиться, а он говорит, что Бога нет." На это отец сказал: "Я думал, что он умный человек, а он оказался дурак. Не слушай его." Но ответ отца не изгладил из души мальчика сомнения.

Много лет прошло с тех пор. Семен вырос, стал большим здоровым парнем и работал неподале-

ку от их села, в имении князя Трубецкого. Работали они артелью, Семен в качестве столяра. У артельщиков была кухарка, деревенская баба. Однажды она ходила на богомолье и посетила могилу замечательного подвижника – затворника Иоанна Сезеновского (1791–1839). По возвращении она рассказала о святой жизни затворника и о том, что на его могиле бывают чудеса. Некоторые из присутствующих подтвердили рассказы о чудесах, и все говорили, что Иоанн был святой человек.

Слыша эту беседу, Семен подумал: "Если он святой, то, значит, Бог с нами, и незачем мне ходить по всей земле – искать Его," и при этой мысли юное сердце загорелось любовью к Богу.

Удивительное явление, с четырехлетнего до девятнадцатилетнего возраста продержалась мысль, запавшая в душу ребенка при слышании книгоноши; мысль, которая, видимо, тяготила его, оставаясь где-то в глубине неразрешенной, и которая разрешилась таким странным и, казалось бы, наивным образом.

После того, как Семен почувствовал себя обретшим веру, ум его прилепился к памяти Божией, и он много молился с плачем. Тогда же он ощутил в себе внутреннее изменение и влечение к монашеству, и, как говорил сам старец, на моло-

дых красивых дочерей князя стал он смотреть с любовью, но без пожелания, как на сестер, тогда как раньше вид их беспокоил его. В то время он даже просил отца отпустить его в Киево-Печерскую Лавру, но отец категорически ответил: "Сначала кончи военную службу, а потом будешь свободен пойти."

В таком необычном состоянии Семен пробыл три месяца; затем оно отступило от него, и он снова стал водить дружбу со своими сверстниками, гулять с девками за селом, пить водку, играть на гармонике и вообще жить подобно прочим деревенским парням.

Молодой, красивый, сильный, а к тому времени уже и зажиточный, Семен наслаждался жизнью. В селе его любили за хороший миролюбивый и веселый характер, а девки смотрели на него как на завидного жениха. Сам он увлекся одною из них и, прежде чем был поставлен вопрос о свадьбе, в поздний вечерний час с ними произошло "обычное."

Замечательно при этом, что на следующий день утром, когда он работал с отцом, тот тихо сказал ему: "Сынок, где ты был вчера, болело сердце моё." Эти кроткие слова отца запали в душу Семена, и позднее, вспоминая его, старец говорил: "Я в меру отца моего не пришел. Он был совсем

неграмотный, и даже "Отче наш" читал с ошибкой, говорил "днесть" вместо "днесь," заучил в церкви по слуху, но был кроткий и мудрый человек."

У них была большая семья: отец, мать, пять братьев-сыновей и две дочери. Жили они вместе и дружно. Взрослые братья работали с отцом. Однажды во время жатвы, Семену пришлось готовить в поле обед; была пятница; забыв об этом, он наварил свинины, и все ели. Прошло полгода с того дня, уже зимою, в какой-то праздник, отец говорит Семену с мягкой улыбкой:

– Сынок, помнишь, как ты в поле накормил меня свининой? А ведь была пятница; ты знаешь, я ел ее тогда как стерву.

– Что же ты мне не сказал тогда?

– Я, сынок, не хотел тебя смутить.

Рассказывая подобные случаи из своей жизни в доме отца, старец добавил: "Вот такого старца я хотел бы иметь: он никогда не раздражался, всегда был ровный и кроткий. Подумайте, полгода терпел, ждал удобной минуты, чтобы и поправить меня, и не смутить."

Старец Силуан был весьма большой физической силы. Он был еще совсем молодой, до военной

службы, однажды на Пасху, после обильного мясного обеда, когда братья его разошлись по гостям, а он остался дома, мать предложила ему "яичницу"; он не отказался; мать сварила ему целый чугунок, до полусотни яиц, и он всё съел.

В те годы он работал со своими братьями в имении князя Трубецкого и в праздники иногда ходил в трактир; были случаи, что он выпивал за один вечер "четверть" (2,5 литра) водки, но пьяным не бывал.

Однажды в сильный мороз, ударивший после оттепели, сидел он на постоялом дворе. Один из постояльцев, переночевавший там, хотел возвращаться домой; пошел он запрячь свою лошадь, однако скоро вернулся, говоря:

– Беда! Нужно ехать, и не могу: лед обложил лошади копыта толстым слоем, и она от боли не дается отбить его.

Семен говорит:

– Пойдем, я тебе помогу.

На конюшне он взял шею лошади около головы под мышку и говорит мужику: "Обивай." Лошадь все время стояла не шелохнувшись; мужик отбил лед с копыт, запряг и уехал.

Голыми руками Семен мог брать горячий чугунок со щами и перенести его с плиты на стол, за которым работала их артель. Ударом кулака он мог перебить довольно толстую доску. Он поднимал большие тяжести и обладал большой выносливостью и в жару и в холод, он мог есть очень помногу и много работать.

Но эта сила, которая позднее послужила ему для совершения многих исключительных подвигов, в то время была причиной его самого большого греха, за который он принес чрезвычайное покаяние.

Однажды в престольный праздник села, днем, когда все жители весело беседовали возле своих изб, Семен с товарищами гулял по улице, играя на гармонике. Навстречу им шли два брата – сапожники села. Старший – человек огромного роста и силы, большой скандалист, был навеселе. Когда они поравнялись, сапожник насмешливо стал отнимать гармошку у Семена; но он успел передать её своему товарищу. Стоя против сапожника, Семен уговаривал его "проходить своей дорогой", но тот, намереваясь, по-видимому, показать своё превосходство над всеми парнями села в такой день, когда все девки были на улице и со смехом наблюдали сцену, набросился на

Семена. И вот как рассказывал об этом сам старец:

– Сначала я подумал уступить, но вдруг стало мне стыдно, что девки будут смеяться, и я сильно ударил его в грудь; он далеко отлетел от меня и грузно повалился навзничь посреди дороги; изо рта его потекла пена и кровь. Все испугались, и я; думаю: убил. И так стою. В это время младший брат сапожника взял с земли большой булыжник и бросил в меня, я успел увернуться; камень попал мне в спину, тогда я сказал ему: "Что ж, ты хочешь, чтоб и тебе то же было?" – и двинулся на него, но он убежал. Долго пролежал сапожник на дороге; люди сбежались и помогали ему, омывали холодной водой. Прошло не менее получаса прежде, чем он смог подняться, и его с трудом отвели домой. Месяца два он проболел, но, к счастью, остался жив, мне же потом долго пришлось быть осторожным: братья сапожника со своими товарищами по вечерам с дубинками и ножами подстерегали меня в закоулках, но Бог сохранил меня.

Так в шуме молодой жизни начал уже заглушаться в душе Семена первый зов Божий к монашескому подвигу, но избравший его Бог снова воззвал его уже некоторым видением.

Однажды, после нецеломудренно проведенного времени, он задремал и в состоянии легкого сна увидел, что змея через рот проникла внутрь его. Он ощутил сильнейшее омерзение и проснулся. В это время он слышит слова: "Ты проглотил змею во сне, и тебе противно; так Мне нехорошо смотреть, что ты делаешь."

Семен никого не видел. Он слышал лишь произнесший эти слова голос, который по своей сладости и красоте был совершенно необычный. Действие, им произведенное, при всей своей тихости и сладости было потрясающим. По глубокому и несомненному убеждению старца – то был голос Самой Богородицы. До конца своих дней он благодарил Божию Матерь, что Она не возгнущалась им, но Сама благоволила посетить его и восставить от падения. Он говорил: "Теперь я вижу, как Господу и Божией Матери жалко народ. Подумайте, Божия Матерь пришла с небес вразумить меня, юношу, во грехах".

То, что он не удостоился видеть Владычицу, он приписывал нечистоте, в которой пребывал в тот момент.

Этот вторичный зов, совершившийся незадолго до военной службы, имел уже решающее значение на выбор дальнейшего пути. Его первым следствием было коренное изменение жизни,

принявшей недобрый уклон. Семен ощутил глубокий стыд за свое прошлое и начал горячо каяться перед Богом. Решение по окончании военной службы уйти в монастырь вернулось с умноженной силой. В нем проснулось острое чувство греха и в силу этого изменилось отношение ко всему, что он видел в жизни. Это изменение сказалось не только в его личных действиях и поведении, но и в его чрезвычайно интересных беседах с людьми.

Время военной службы

Военную службу Семен отбывал в Петербурге, в лейб-гвардии, в саперном батальоне. Уйдя на службу с живой верой и глубоким покаянным чувством, он не переставал помнить о Боге.

В армии его очень любили как солдата всегда исполнительного, спокойного, хорошего поведения, а товарищи как верного и приятного друга; впрочем, это было нередким явлением в России, где солдаты жили очень по-братски.

Однажды под праздник с тремя гвардейцами того же батальона он отправился в город. Зашли они в большой столичный трактир, где было много света и громко играла музыка; заказали ужин с водкой и громко беседовали. Семен больше молчал. Один из них спросил его:

– Семен, ты все молчишь, о чем ты думаешь?

– Я думаю: сидим мы сейчас в трактире, едим, пьем водку, слушаем музыку и веселимся, а на Афоне теперь творят бдение и всю ночь будут молиться; так вот – кто же из нас на Страшном Суде даст лучший ответ, они или мы?

Тогда другой сказал:

– Какой человек Семен! Мы слушаем музыку и веселимся, а он умом на Афоне и на Страшном Суде.

Слова гвардейца о Семене: "а он умом на Афоне и на Страшном Суде" могут быть отнесены не только к тому моменту, когда они сидели в трактире, но и ко всему времени пребывания его на военной службе. Мысль его об Афоне, между прочим, выражалась и в том, что он несколько раз посылал туда деньги. Однажды ходил он из Усть-Ижорского лагеря, где летом стоял их батальон, на почту в село Колпино, чтобы сделать перевод денег на Афон. На обратном пути, еще недалеко от Колпина, по дороге прямо навстречу ему бежала бешеная собака; когда она совсем уже приблизилась и готова была броситься на него, он со страхом проговорил: "Господи, помилуй!" Лишь только произнес он эту короткую молитву, как какая-то сила отбросила собаку в сто-

рону, словно наткнулась она на что-то; обогнув Семена, она побежала в село, где причинила много вреда и людям, и скоту.

Этот случай произвел на Семена глубокое впечатление. Он живо почувствовал близость хранящего нас Бога и еще сильнее прилепился к памяти Божией.

Окончив свою службу в гвардии, Семен незадолго до разезда солдат его возраста по домам вместе с ротным писарем поехал к отцу [Иоанну Кронштадтскому](#) просить его молитв и благословения. Отца Иоанна они в Кронштадте не застали и решили оставить письма. Писарь стал выводить красивым почерком какое-то мудреное письмо, а Семен написал лишь несколько слов: "Батюшка, хочу пойти в монахи; помолитесь, чтобы мир меня не задержал".

Возвратились они в Петербург в казармы, и, по словам Старца, уже на следующий день он почувствовал, что кругом него "гудит адское пламя".

Покинув Петербург, Семен приехал домой и пробыл там всего одну неделю. Быстро собрали ему холсты и другие подарки для монастыря. Он попрощался со всеми и уехал на Афон. Но с того дня, как помолился о нем отец Иоанн Кронштад-

ский, "адское пламя гудело" вокруг него не переставая, где бы он ни был: в поезде, в Одессе, на пароходе, и даже на Афоне в монастыре, в храме, повсюду.

Приезд на Святую Гору

Монашеские подвиги

Приехал Семен на Святую Гору осенью 1892 г. и поступил в Русский монастырь святого великомученика Пантелеимона. Началась новая, подвижническая жизнь.

По Афонским обычаям, новоначальный послушник "брат Симеон" должен был провести несколько дней в полном покое, чтобы вспомнить свои грехи за всю жизнь и, изложив их письменно, исповедать духовнику. Испытываемое адское мучение породило в нем неудержимое горячее раскаяние. В Таинстве Покаяния он хотел освободить свою душу от всего, что тяготило ее, и потому с готовностью и великим страхом, ни в чем себя не оправдывая, исповедал все деяния своей жизни.

Духовник сказал брату Симеону: "Ты исповедал грехи свои перед Богом и знай, что они тебе прощены... Отныне положим начало новой жизни... Иди с миром и радуйся, что Господь привел тебя в эту пристань спасения".

Вводился брат Симеон в духовный подвиг вековым укладом афонской монастырской жизни, насыщенной непрестанной памятью о Боге: молитва в келлии наедине, длительное богослужение в храме, посты и бдения, частая исповедь и причащение, чтение, труд, послушание. Вскоре он освоил Иисусову молитву по четкам. Прошло немного времени, всего около трех недель, и однажды вечером при молении пред образом Богородицы молитва вошла в сердце его и стала совершаться там день и ночь, но тогда он еще не разумел величия и редкости дара, полученного им от Божией Матери.

Брат Симеон был терпеливый, незлобивый, послушливый; в монастыре его любили и хвалили за исправную работу и хороший характер, и ему это было приятно. Стали тогда приходить к нему помыслы: "Ты живешь свято: покаялся, грехи тебе прощены, молишься непрестанно, послушание исполняешь хорошо".

Ум послушника колебался при этих помыслах, и тревога проникала в сердце, но по неопытности своей он не понимал, что же, собственно, с ним происходит.

Однажды ночью келлия его наполнилась странным светом, который пронизал даже и тело его так, что он увидел и внутренности свои. Помы-

сел говорил ему: "Прими, – это благодать", однако душа послушника смутилась при этом, и он остался в большом недоумении.

После видения странного света, стали ему являться бесы, а он, наивный, с ними разговаривал "как с людьми". Постепенно нападения усиливались, иногда они говорили ему: "Ты теперь святой", а иногда: – "Ты не спасешься". Брат Симеон спросил однажды беса: "Почему вы мне говорите по-разному: то говорите, что я свят, то – что я не спасусь?". Бес насмешливо ответил: "Мы никогда правды не говорим".

Смена демонических внушений, то возносящих на "небо" в гордости, то низвергающих в вечную гибель, угнетала душу молодого послушника, доводя его до отчаяния, и он молился с чрезвычайным напряжением. Спал он мало и урывками. Крепкий физически, подлинный богатырь, он в постель не ложился, но все ночи проводил в молитве или стоя, или сидя на табуретке. Изнемогая, он сидя засыпал на 15-20 минут и затем снова вставал на молитву.

Проходили месяц за месяцем, а мучительность демонических нападений все возрастала. Душевные силы молодого послушника стали падать и мужество его изнемогало, страх гибели и отчаяния – росли, ужас безнадежности все чаще и

чаще овладевал всем его существом. Он дошел до последнего отчаяния и, сидя у себя в кельи в предвечернее время, подумал: "Бога умолить невозможно". С этой мыслью он почувствовал полную оставленность, и душа его погрузилась во мрак адского томления и тоски.

В тот же день во время вечерни, в церкви святого пророка Илии, что на мельнице, направо от царских врат, где находится местная икона Спасителя, он увидел живого Христа.

"Господь непостижимо явился молодому послушнику" – и все существо, и самое тело его исполнилось огнем благодати Святого Духа, тем огнем, который Господь низвел на землю Своим пришествием (Лк. 12:49). От видения Симеон пришел в изнеможение, и Господь скрылся.

Невозможно описать то состояние, в котором находился он в тот час. Его осиял великий Божественный свет, он был изъят как бы из мира и духом возведен на небо, где слышал неизреченные глаголы, в тот момент он получил как бы новое рождение свыше (Ин. 1:13, 3:3). Кроткий взор всепрощающего, безмерно любящего, радостного Христа привлек к себе всего человека и затем, скрывшись, сладостью любви Божией восхитил дух его в созерцание Божества уже вне образов мира. Впоследствии в своих писаниях

он без конца повторяет, что Господа познал он Духом Святым, что Бога узрел он в Духе Святом. Он утверждал также, что когда Сам Господь является душе, то она не может не узнать в Нем своего Творца и Бога.

Познавшая свое воскресение и увидевшая свет подлинного и вечного бытия, душа Симеона первое время после явления переживала пасхальное торжество. Все было хорошо: и мир великолепен, и люди приятны, и природа невыразимо прекрасна, и тело стало иным, легким, и сил как бы прибавилось. Но постепенно осязаемое действие благодати стало слабеть. Почему? Что же делать, чтобы не допустить этой потери?

Началось внимательное искание ответа на растущее недоумение в советах духовника и в творениях святых отцов-аскетов. "Во время молитвы ум храни чистым от всякого воображения и помысла и заключай его в слова молитвы", - сказал ему старец отец Анатолий из Святого Русика. У старца Анатолия Симеон провел достаточно времени. Свою поучительную и полезную беседу отец Анатолий закончил словами: "Если ты теперь такой, то что же ты будешь под старость?" Так уж получилось, но своим удивлением он дал молодому подвижнику сильный повод к тщеславию, с которым тот не умел еще бороться.

У молодого и еще неопытного монаха Симеона началась самая трудная, самая сложная, самая тонкая брань с тщеславием. Гордость и тщеславие влекут за собой все беды и падения: благодать оставляет, сердце остывает, ослабевают молитва, ум рассеивается и начинаются приражения страстных помыслов.

Молодой монах Силуан постепенно научается более совершенным аскетическим подвигам, которые большинству вообще покажутся невозможными. Сон его по-прежнему прерывчатый – несколько раз в сутки по 15-20 минут. В постель по-прежнему он не ложится, спит сидя на табуретке; пребывает в трудах днем, как рабочий; несет подвиг внутреннего послушания – отсечение своей воли; учится возможно более полному преданию себя на волю Божию; воздерживается в пище, в беседах, в движениях; подолгу молится умною Иисусовою молитвою. И несмотря на весь его подвиг свет благодати часто оставляет его, а бесы толпою окружают по ночам.

Смена состояний, то некоторой благодати, то оставленности и демонических нападений, не проходит бесплодно. Благодаря этой смене душа Силуана пребывает в постоянной внутренней борьбе, бодрствовании и усердном искании исхода.

Прошло пятнадцать лет со дня явления ему Господа. И вот однажды в одно из таких мучительных борений с бесами, когда, несмотря на все старания, чисто молиться не удавалось, Силуан встает с табурета, чтобы сделать поклоны, но видит перед собой огромную фигуру беса, стоящего впереди икон и ожидающего поклона себе; келлия полна бесов. Отец Силуан снова садится на табурет и, наклонив голову, с болезнью сердца говорит молитву: "Господи, ты видишь, что я хочу молиться тебе чистым умом, но бесы не дают мне. Научи меня, что должен делать я, чтобы они не мешали мне?" И был ответ ему в душе: "Гордые всегда так страдают от бесов". "Господи, – говорит Силуан, – научи меня, что должен я делать, чтобы смирилась моя душа". И снова в сердце ответ от Бога: "Держи ум твой во аде и не отчаивайся."

Отныне душе его открылось не отвлеченно-интеллектуально, а бытийно, что корень всех грехов, семя смерти есть гордость; что Бог – есть Смирение, и потому желающий стяжать Бога должен стяжать смирение. Он познал, что то несказанно сладкое великое смирение Христово, которое ему было дано пережить во время Явления, есть неотъемлемое свойство Божественной любви, Божественного бытия. Отныне он воистину познал, что весь подвиг должен быть на-

правлен на стяжание смирения. Ему дано было познать великую тайну Бытия, бытийно познать.

Он духом проник в тайну борьбы преподобного [Серафима Саровского](#), который после явления ему Господа в храме во время литургии, переживая потерю благодати и богооставленность, тысячу дней и тысячу ночей стоял в пустыне на камне, взывая: "Боже, милостив буди мне, грешному."

Ему открылся подлинный смысл и сила ответа преподобного [Пимена Великого](#) своим ученикам: "Поверьте, чада! Где сатана, там и я буду". Он понял, что преподобный [Антоний Великий](#) был послан Богом к александрийскому сапожнику учиться тому же деланию: от сапожника он научился помышлять: "Все спасутся, один я погибну".

Он познал в опыте жизни своей, что полем духовной битвы со злом, космическим злом, является собственное сердце человека. Он духом узрел, что самым глубоким корнем греха является гордость, – этот бич человечества, оторвавший людей от Бога и погрузивший мир в неисчислимыя беды и страдания; это подлинное семя смерти, окутавшее человечество мраком отчаяния. Отныне Силуан, выдающийся гигант духа, все силы свои сосредоточит на подвиге за сми-

рение Христово, которое ему было дано познать в первом явлении, но которое он не сохранил.

Монах Силуан после данного ему Господом откровения твердо стал на духовном пути. С того дня его "любимой песнью," как сам он выражался, становится: "Скоро я умру, и окаянная душа моя снидет в тесный черный ад, и там один я буду томиться в мрачном пламени и плакать по Господе: "Где Ты, свет души моей? Зачем Ты оставил меня? Я не могу жить без Тебя".

Это делание привело скоро к миру души и чистой молитве. Но даже и этот огненный путь оказался не кратким.

Благодать уже не оставляет его, как прежде: он осязательно носит ее в сердце, он чувствует живое присутствие Бога; он полон удивления перед милосердием Божиим, глубокий мир Христов посещает его; Дух Святой снова дает ему силу любви. И хотя теперь он уже не тот неразумный, что был прежде; хотя из долгой и тяжелой борьбы он вышел умудренным; хотя из него выработался великий духовный борец, – однако и теперь страдал он от колебаний и изменчивости человеческой природы и продолжал плакать невыразимым плачем сердца, когда умалялась в нем благодать. И так еще целых пятнадцать лет, доколе не получил он силу одним мановением ума, ни-

как не выражаемым внешне, отражать то, что раньше тяжело поражало его.

Через чистую умную молитву подвижник научается великим тайнам духа. Сходя умом в сердце свое, сначала вот это – плотяное сердце, он начинает проникать в те глубины его, которые не суть уже плоть. Он находит свое глубокое сердце, духовное, метафизическое, и в нем видит, что бытие всего человечества не есть для него нечто чуждое, постороннее, но неотделимо связано и с его личным бытием.

"Брат наш есть наша жизнь", – говорил старец. Через любовь Христову все люди воспринимаются, как неотъемлемая часть нашего личного вечного бытия. Заповедь – любить ближнего как самого себя – он начинает понимать не как этическую норму; в слове как он видит указание не на меру любви, а на онтологическую общность бытия.

"Отец не судит никого, но весь суд дал Сыну... потому что Он Сын человеческий" (Ин: 5:22-27). Сей Сын человеческий, Великий Судья мира, – на Страшном Суде скажет, что "единый от меньших сих" есть Он Сам; иными словами, бытие каждого человека Он обобщает со Своим, включает в Свое личное бытие. Все человечество,

"всего Адама," воспринял в Себя и страдал за всего Адама.

После опыта адских страданий, после указания Божия: "Держи ум твой во аде" для старца Силуана было особенно характерным молиться за умерших, томящихся во аде, но он молился также и за живых, и за грядущих. В его молитве, выходящей за пределы времени, исчезала мысль о преходящих явлениях человеческой жизни, о врагах. Ему было дано в скорби о мире разделять людей на познавших Бога и не познавших Его. Для него было несносным сознавать, что люди будут томиться "во тьме кромешной".

В беседе с одним монахом-пустынником, который говорил: "Бог накажет всех безбожников. Будут они гореть в вечном огне" – очевидно, ему доставляло удовлетворение, что они будут наказаны вечным огнем – на это старец Силуан с видимым душевным волнением сказал: "Ну, скажи мне, пожалуйста, если посадят тебя в рай, и ты будешь оттуда видеть, как кто-то горит в адском огне, будешь ли ты покоен?" – "А что поделаешь, сами виноваты" – ответил монах. Тогда старец со скорбным лицом ответил: "Любовь не может этого понести... Нужно молиться за всех".

И он действительно молился за всех; молиться только за себя стало ему несвойственным. Все люди подвержены греху, все лишены славы Божией (Рим.3:22). Для него, видевшего уже в данной ему мере славу Божию и пережившего лишение ее, одна мысль о таком лишении была тяжка. Душа его томилась сознанием, что люди живут, не ведая Бога и Его любви, и он молился великою молитвою, чтобы Господь по неисповедимой любви Своей дал им Себя познать.

До конца своей жизни, несмотря на падающие силы, и на болезни, он сохранил привычку спать урывками. У него оставалось много времени для уединенной молитвы, он постоянно молился, меняя в зависимости от обстановки образ молитвы, но особенно усиливалась его молитва ночью, до утрени. Тогда молился он за живых и усопших, за друзей и врагов, за весь мир.

Составили Наталия Буфиус и епископ Александр (Милеант)